

П И С Ъ М А Д О М О И

/материалы к изучению культурной ассимиляции/

Выпуск 2

Замечания издателя:

1. Все публикуемые письма получены через официальные каналы.
2. Издателем сделаны отдельные сокращения и изменения (в том числе имен собственных).
3. Продолжение "Писем домой" последует по мере их накопления у издателя.

С.Осьмеркин

В 18-ом номере журнала "Часы" были опубликованы "Письма домой" /материалы и изучению культурной ассимиляции/. Идея подобных публикаций показалась мне интересной, но к исполнению ее, мне кажется, нужно было подойти несколько по-другому.

Дело в том, что ассимиляция — длительный процесс, почувствовать который по одному — даже умному и глубокому — письму нельзя. Ассимиляция есть приспособление к новым условиям жизни, следовательно, более, или менее сильное изменение человека, которое растягивается на годы. И делать какие-то выводы и обобщения "статистического" характера следует не на основании случайных писем от разных корреспондентов, а на основании более или менее последовательно прослеженных судеб отдельных людей. /В рамках идеи с письмами — судеб, прослеженных по письмам/.

Поэтому, мне кажется, что целесообразнее публиковать подборки писем от одного человека /или семьи/, упорядоченных хронологически и охватывающих достаточно длительный период времени — скажем, первый год пребывания за границей.

Разумеется, не всегда есть такая возможность, но я говорю об идеальном случае.

Предлагаю журналу ряд писем, составленный по такому принципу.

В текстах писем сохранены некоторые индивидуальные подробности поступления в университет, устройства на работу, поиска жилья и пр., дающие представление о том, как это происходит в США. Эти подробности важны уже потому, что бытие, даже не определяя сознания, порой сильно на него влияет /эмиграция — тому пример/, и чтобы правильно понять и оценить высказывания человека о западной жизни вообще, необходимо, хотя бы в общих чертах, представить жизненный контекст, в котором они сделаны.

Корреспондент — Александр К., инженер-физик, 26 лет, уехал в 1977 году, живет в Бостоне, штат Массачусетс, США. Письма относятся к приезду и первому году жизни в США.

К.А.

Письмо № 1

Аэропорт в Риме очень современный, удобный, пропускает огромное количество людей и самолетов. Тамония оснащена телевизорами и какими-то лучами-ничего не вскрывают, но, правда, кроме оружия и наркотиков ничего и не ищут. После регистрации багажа /все эмигранты летели без билетов/ нас заставили долго ждать между летным полем и таковой /итальянской границей/- на нейтральной территории. Здесь, как и всюду на земле, находятся дешевые магазины сувениров, сигарет и спиртных напитков. В римском и нью-Йоркском аэропортах нет автобусов, воздушных людей по летному полю- из здания аэропорта выдвигается коридор в виде труб и вставляется прямо в дверь самолета. По нему я и пошел, и скоро оказался в огромном зале- самолете Боинг-747.

В самолете- человек 70 русских, большинство откровенные люди, но я относился к ним спокойно, справедливо полагая, что выскочу из этого потока через сутки. Через 9 часов посадка в международном аэропорту им. Кеннеди в Нью-Йорке. Спать же по трубе попал в здание аэропорта, получил багаж, в таковой мне /и другим/ открыли вилу для въезда в США, и я вступил на американскую территорию. Здесь много встречающих /примерно половина всех эмигрантов направляется в Нью-Йорк./ Аэропорт им. Кеннеди- это целый город: вокруг мосты, тысячи машин, туннели, суетятся люди /среди грузчиков большинство - венгры/, объявляют о каких-то рейсах из ВАР и Венесуэлы. Потом тех, кто летит дальше, перевозят на автобусе в "гостиницу для путешественников" при другом, "внутреннем" аэропорте. По дороге неслучайно в Нью-Йорк- это чудо технологической цивилизации. Везде гигантские /на десятки тысяч машин/ автостоянки, светофоров почти нет, машины пулей проносятся по эстакадам- в одной месте насчитал 6 уровней. В общем, город-монстр, его богатство и тамн сначала ошеломляют всех.

Утром выяснилось, что в Бостон со мной летит пара из Боскена лет 26 и старая по фамилии Никассо. Остальные в Балтимор, Вашингтон, Даллас, Детройт, Майами. Через час приземляемся в Бостонском аэропорту. Выхожу из самолета в напряжении - Никассо встречает сын, молодую пару - знакомые, меня - никто. В зале ко мне подходит молодой парень, называет по имени, представляется - Кен Брасс и начинает говорить по-английски. Затем, получив багаж, мы идем к огромной машине, там сидят женщина лет 50, г-жа Климен, доброволец, и меня куда-то везут. Идем через весь город - видны небоскребы деунтауна, широкая Чарльз-ривер, показывает мне здание MIT - Массачусетского технологического института - небоскреб. Город кажется красивым и чистым. Как и в Нью-Йорке, мало светофоров - всюду путепроводы и тоннели. В пригороде Бостона Бруклайне /похож на Зеленогорск, только заре дороги и больше машин/ - мое временное жилье. Дают мне 15 дол., говорят о чем-то с хозяйкой, оставляя вещи и мы идем в маленькую прогулку.

Кен Брасс - социальный работник - профессионал /психолог-администратор/, в СССР таких нет. Его объяснения свелись к следующему: первые 6 месяцев, если я не устроюсь на работу, мне будут платить 35 дол. в неделю плюс оплачивать квартиру, купить туда мебель на 400 дол. и дадут 60 дол. на телевизор. Я могу ходить на курсы английского языка и сам или с помощью г-жи Климен искать работу. Она - очень приятная женщина; ее муж врач - профессор Гарвардского университета, они учатся в Чикаго, дочь в Мадриде, она занимается помощью мне с удовольствием и, видимо, нигде не работает. Мы с ней поехали по объявлению в Брайтон - другой пригород - студенческий, и сразу сняли квартиру за 150 дол. в мес. - дешево. Впрочем, здесь это квартирой не считается, т.к. нет отдельной спальни, это - т.н. студия. От центра минут 30 на метро. Вообще общественный транспорт здесь развит сравнительно хорошо: очень длинная и разветвленная сеть метро, переходящего на периферии

в трамвай. Есть и автобусы, но мало, их пассажиры, в основном, негры. Впрочем, в пригородах, где находятся большинство исследовательских фирм, метро нет, и я не очень понимаю, как добираться до возможной работы.

В Бостоне и пригородах очень много разных спортивных площадок, клубов и т.д. — по-моему, спорт занимает здесь такое же место, как пляшество в СССР, или любовь в Италии — эти занятия большая часть среднего и низшего сословия в свободное время. Не заметно интереса к политике /как в Италии/.

Пассивно включился в поиски работы — изучил воскресный выпуск газеты "Бостон Глоуб" /целый том/. Очень много предложений, читая их, кажется, что фирм бьются из всех сил, стараются получить специалиста. Особенный ажиотаж вокруг программистов и операторов — 17000-20000 дол./год. Инженеры тоже нужны, но желателен стаж или наличие американского гражданства.

Письмо № 2

За то время, что я здесь живу, успел, кажется, довольно много: наметил свои ближайшие планы, познакомился со многими людьми, немного привык к американской жизни, улучшил слегка английский.

Община, которая меня сейчас содержит /в относительной бедности/ стремится как можно скорее от меня избавиться, что возможно лишь в случае, если я буду работать или получать стипендию, т.е. иметь свой доход. Вот они и хотят меня куда-нибудь устроить. Я сначала не возражал, считая, что любая работа — уже хорошо /ведь безработица!/, однако, теперь понял, что в течение недели запросто найду себе какую-нибудь работу. Но планы мои переменялись. Теперь ясно, что, чтобы занимать устойчивое положение в американской фирме, нужно очень хорошо представлять себе всю структуру бизнеса, иметь опыт администрирования, т.к. фирме нужен работник, приносящий ма-

тервальную выгоду. "Чистых" теоретиков, людей, работающих вне коллектива /как я в Ленинграде/ здесь почти нет. Должен сказать, что математическая подготовка у меня, похоже, выше, чем у большинства американских инженеров. Вообще, точные науки здесь не в моде. Дроби и простые уравнения большинству студентов-гуманитаров недоступны. Я уж не говорю об анализе, тригонометрии. Советская средняя школа, думаю, сильнее здесь колледжа по математике.

Для поступления в аспирантуру на звание доктора философии ныне нужно формально сдать 2 экзамена: по английскому и по специальности. Но говорят, что можно поступить и без всяких экзаменов— просто прийти и поговорить с профессором. Так и сделал на будущей неделе. Забегу еще, что все наши дипломы здесь формально признаются /кроме медицинских, которые не котируются совершенно/, зачитываются все предметы, притом не важно, по какой специальности поступать в аспирантуру, ~~здесь~~. После института водного транспорта, например, можно поступить в Гарвард на соискание доктора философии по средневековой музыке. Но нужно, конечно, иметь большое желание. Эмигранты студенческого возраста, в основном, учителя. Главное— оказаться здесь не слишком поздно. Люди, которые за 30, редко довольны— слишком велика разница, это ломает их окаменевшее сознание, возникает какие-то комплексы. Таких людей достаточно.

Теперь относительно языка. Обратите внимание, что для разных людей слова "я /или кто-то/ знаю английский язык" означают разные вещи. И действительно, люди, для которых русский язык представлял собой 700-1000 "ежедневных" слов, быстро приходят к выводу, что и английский они "знают"— это от того, что их бедный словарь быстро находит эквивалент в английском языке. Если же манера мышления и разговора по-русски у человека богаче, словарь больше, мысли сложнее, то ему перестроиться труднее, и так быстро не скажешь— "я говорю свободно". Все русские, которых я встречал /живущие здесь уже лет 5/ говорят

хуже меня, а у меня ощущение, что я говорю плохо /и устаю от этого/. Наверное, знать английский так, как знаю русский, я не буду никогда. Я свободно понимаю лекции в университете, читаю литературу по специальности. Труднее понять ТВ, газеты, книги. Еще труднее — понять беглый разговор со сленгом. И еще труднее — без напряжения, правильно и быстро объяснить какую-нибудь не совсем простую мысль без предварительного перевода и упрощения — а это всегда огорчает. Есть, однако, вещи, без которых приезжий здесь совсем плохо. Это — устойчивые навыки в построении простых предложений и вопросов и словарный запас примерно в 1000 самых распространенных слов.

Некоторое время назад расселяя свое анкету по университетам, где есть подходящая специальность, теперь получаю кучу /каждый день по 1-2 шт./ приглашений. Так что, м.б. и поменяю место жительства. К этому я отношусь довольно равнодушно, т.к. в США города мало чем отличаются друг от друга, а менять их легко. Сами американцы считают себя провинциалами и так же гордятся поездкой в Берлину, как в русские /хотя ездят, конечно, больше/. Насколько я понимаю, вся культурная и духовная жизнь здесь как-то обязательно связана с Европой. Явущий недалеко от меня исст Наум Коржавин считает, что в США вообще нет интеллигенции и очень этим угнетен — языка не знает, сидит без работы, говорит, что он "носитель русской культуры".

Письмо № 3

На днях посетил знаменитый Бостонский Симфонический оркестр. Билеты достал случайно и дешево. Не стал спрашивать, что будет в программе, а просто пошел. Вижу народу немного, странно. Сел. Начали играть и сразу же перестали. Опять начали и опять их дирижер Сейдан Озава прерывает с ругательствами. Я начал удивляться. Так раз пять. Потом минут 10 поиграли, и опять он перестал дирижировать и стал препираться с каким-то тарелочником

долго и громко. Я подумал, что такой стиль игры в США, но зачем же тогда релетиции? И так- все первое отделение. Потом я в расстройстве ушел /а вся публика осталась/. Вышел, слагая в уме уничтожающий отчет тебе о посещении, и вдруг увидел афишу: "Открытая релетиция Сейдики Озава". Вот так я познакомился с северо-американской классической музыкой.

Вчера стало известно, что меня приняли в МТИ без экзаменов, после нескольких головоломных бесед с проф. Черновым и другими. Это все считают большим и неожиданным успехом.

Сегодня утром сдавал бесполезный уже экзамен по английскому для студентов-иностранцев. Но здесь плюют на формальности- меня и так приняли. А студенты-иностранцы, в основном,- японцы и итальянцы. Русский язык под кодом 948 я представлял в одиночестве. Завтра дам такой же бессмысленный теперь экзамен по математике и логике /деньги за экзамен я заплатил, поэтому побуду для интереса/. Кажется, я установил рекорд скорости поступления в университет- месяц после приезда в США.

В поисках науки разослал письма в три фонда /они дают деньги просто так на учебу/. Сегодня получил ответ из Чикаго- фотографии всех получивших деньги за последние 5 лет- все бабы. Оказалось, что фонд- женский, желает мне успехов в учебе и личной жизни.

Проходя по корпусам МТИ, наткнулся на факультет лингвистики и философии, а там на табличках профессоров: Роман Якобсон, Н. Хомский /автор теории порождающих грамматик/. Оказалось, что на этом факультете процветают всекие структуралисты, философы-исследователи метафизического знака.

Роман Якобсон, которому 82 года, числится профессором лингвистики, но на самом деле уединился на вилле в горах, пишет какую-то последнюю книгу и ни с кем встречаться не желает. Интересно, что до сих пор он пишет и говорит дома по-русски, хоть уехал из России в 1921г.

и потом жил во Франции.

В Гаварде есть известнейшая Богословская школа. Большинство университетов имеют богословские факультеты, а есть и специальные университеты. Мне до сих пор непрерывно влететь строящиеся храмы или огромные указатели церквей. Проповеди известных богословов транслируются по ТВ. Недавно по ТВ выступал Валентин Турчин - он теперь читает лекции в Колумбийском университете.

Письмо № 4

Вчера устроился, наконец, на работу в MIT - надо ведь жить и платить за учебу. Работа оказалась довольно необычной - надо создать обучающую теорию /так и сказали/ устойчивости стохастических систем управления. Работа сама кажется мне почти невыполнимой, зато условия прямо фантастические: 950 дол. в месяц, отдельный кабинет, собственный рабочий номер телефона, совершенно свободное расписание, библиотека и прочие удобства цивилизации. Устроиться на работу заняло у меня примерно 0,5 часа.

Попробую высказаться на тему, предложенную тобой, - об ассимиляции. Мне кажется, что люди, родившиеся за границей и приехавшие сюда в возрасте старше 15-20 лет, уже не смешиваются с американцами /есть некоторая ментальная дистанция и непреодолимая/. Дети же всех /и русских/ эмигрантов чувствуют себя американцами, в большей или меньшей степени наследуя культуру родителей. Так, многие студенты объясняют свой интерес к русскому языку и литературе тем, что их предки - из России. Уверен, что найти работу в области русской словесности /включая перевод/ - не проблема. Но ведь работа и судьба не тождественны. Традиции в Америке таковы, что общины выходцев из разных стран живут территориально обособленно - кварталами. Полная ассимиляция происходит во 2-ом, 3-ем поколениях. Однако, в Бостоне я не знаю никаких обществ русских эмигрантов, все контакты приватные. История

тратей эмиграции насчитывает всего 5-6 лет, так что судить о статистике браков местных с приезжими пока рано. Я таких случаев не знаю. Вообще, развод здесь очень сложное дело /и дорогое/, а противодействий свободному сожительству нет. Так что люди обычно женятся, имея намерение развестись.

Я все больше убеждаюсь, что социологически нахожусь в потоке дерьма /именно в виду эмиграционный поток/. Заметны уже кое-какие субструктуры:

1. Особи мужского пола, около 30- одиночки-волеи, лишены чувства юмора, набиты предрассудками, травмированы чем-то в прошлом.
2. Старьки, приехавшие к детям, но старающиеся еще что-то сделать самостоятельно. Проявляя свои "восточную закалку", "знание людей" и пр., производят на американцев наихудшее впечатление. Чаще всего хотят обратно.
3. Дети 17-23 лет, приехавшие с родителями не по своему желанию. Вообще лишены своего взгляда на свою судьбу /да и самой судьбы/.
4. Семейно-травмированные женщины с маленькими детьми /случай редкие, но этих хоть можно понять/.
5. "Крепкие семьи" 30-45 лет с маленькими детьми, которые привыкли жить в треугольнике семья-работа-друзья, но без колебаний жертвуют последним ради первых двух, потому и здесь вкалывают годами в каких-то фирмах, строят дома, редко меняют города и привычки. Их больше всех.

Я, к счастью, себя в этой шкале не обнаруживаю. А где? "Мы в к..." - иногда восклицает С.А., вспоминая Италию. Но я надеюсь, что этот поток все же преодолим, хотя трудно бороться одному - вот и хожу в МТИ, живу в этом "христианнейшем" городе Бостоне...

Письмо № 5

Ностальгию я ощущаю в виде постоянной своей неадекватности от русской жизни. На все смотрю, как русский,

сравнивая /от этого всех предостерегают/, многое вижу как бы чужими глазами- глазами друзей, оставшихся в России. Признаться, в отдельные моменты это не совсем приятно, но все равно я бы не променял свою судьбу на жизнь 100% американца и его мировоззрение. Хочется заметить, что я усматривал в американцах некую недоразвитость мысли, тупость. Они сами не знают, зачем учатся /просто интересно/, работу, по-настоящему, не ищут /лень/. Это, по-моему, результат чрезмерного благополучия, комфорта, к которому все привыкли. То же и в отношении людей. Осмелюсь высказать гипотезу об эквивалентности двух высказываний:

1. Мысль - болезнь тела.
2. Дружба двух людей- болезнь общества, в котором они живут.

Здесьние условия ни к размышлениям, ни к интимным отношениям вообще не располагают- все слишком легко, доступно, просто обмен впечатлениями.

Почему-то венышия Италия. Как-то, сидя на теплых камнях площади Синьори во Флоренции, я наблюдал игры великовозрастных итальянцев- один изображает лошадь, другой- всадника, третий- конька. Так они забавлялись, шутили, выжывая среди равнодушной толпы туристов. Я подумал было о счастливой беззаботности средиземноморских стран, но тут мой спутник, проживший 3 года в Архангельске и любивший рассказывать о виденных им убийствах на трамвайных остановках, морозах и пр., сказал: "Слышали. Их можно давить, как клопов". Вот так, по-разному, все воспринимает действительность, действительно отключив от пружин.

Здесь, в среде эмигрантов, все время мисается история-легенды о чудесном племени одесситов, которые ухитряются вообще не работать годами, а сосут кашу из всех фондов: государственных, штатных, благотворительных, религиозных, покровительных и др. Американцам такое не по уму- они работают и получают, в среднем, чуть меньше герсов труда- одесситов.

Письмо № 6

Читая твои письма или живя в промежутках между ними, чувствую я иногда, как мало мы смыслим в метафизической реальности. Все придумываем что-то, подчиняемся или боремся с абсурдом неких человеческих структур, а в общем медленно и еледневно умираем.

Вот по несколько часов в день у меня перед глазами известный тебе С.А. Не желая сказать абсолютно ничего плохого в его адрес, ибо мы очень помогаем друг другу и это ценно, я все же вижу сколь несправильно различны пути, мысли наши и слова. Он все время оценивает прошедший день: "Хорошо прошел день - я выдрал телемастера, снял 30 дол. в массе и пострегся за 5 дол. вместо 71" - типичная фраза, слышимая по многу раз в день. Эта постоянная потребность в успехах /или их иллюзии/ мне почему-то несвойственна. Достаточно сознавать, что достигнуто правильное соотношение и взаимодействие двух потоков - сознания и событий, и что не сидишь в заднице - беспомощный, мало смыслящий, почти ничего не видящий и уж совсем плохо управляющий самим собой. Теперь кажется мне, что из "обыкновенных" свобод самой важной является свобода места жительства и передвижения. Конечно, это далеко не универсальная категория, но важность ее определяется сегодняшним состоянием дел на земном шаре и социальной организацией современного человека. Вот тут начинаешь думать о России и о судьбе некоторых очень достойных людей, ошибочно ее покинувших /думаю, среди них и Валентин Турчин, хотя это лишь чувство/.

Почему? И какой критерий существует для решения этого вопроса? Кажется, что очень важна здесь идентифицируемость со средним жителем страны /пусть с пьяным мужиком/. Поляна. Уверен, что человеку нашего типа, независимо от того, где он живет, нуждается, в конечном счете, в очень небольшом числе людей для общения. Ты сам знаешь, как трудно приобретается близость, а еще и возраст...

Выделим этих людей из общества по признаку общности семантического понимания, т.е. как бы имевших некий общий язык, индустрирующий суб-структуру в обществе. А все остальные люди, которые встречаются на работе, по ТЭ, в транспорте и т.д. — чужие, фон. И здесь и там, в Ленинграде. Единичество человека в эмиграции распадается на два рода — отсутствие близких, понимающих тебя людей и отсутствие знакомого "фона". С единичеством первого рода /отсутствие близкого круга/ можно хоть как-то бороться, искать таких людей, это частично преодолимо. Но того фона, хорошо знакомого с детства, который позволяет легко моделировать чужую психологию, быстро распознавать незнакомых людей с первых слов, этого, пожалуй, не будет. Величина потерь определяется степенью прошлой вовлеченности в "народную" жизнь. И тут, думаю, причина обоснованных /с его точки зрения/ сетований поэта Наума Коржавина.

Что касается меня, то я чувствую это достаточно ясно, чтобы зафиксировать сказанное выше, но почти от этого не страдаю. Эбо мне очень не нравится концепция судьбы в вопросе съезда — "Моя страна, могилы предков, другого не хочу и т.д." По-моему, всякий современный человек, философия которого базируется на его богатом прошлом и способности оценивать побуждения других людей /должен быть космополитом /или старается им быть/.

Вот и я... Заработав канусту и отправляясь куда-нибудь набираться мудрости /негативный результат тоже считается успехом/. Того же всеми силами желаю тебе.

В описанных выше ограниченных здесь можно жить совершенно свободно и безбедно, занимаясь любого рода деятельностью, включая умственное совершенствование. Тут остается общаться с великим количеством превосходных книг, тебе пока недоступных. Работая несколько дней в прекрасном /как-то трудно обойтись без этого эпитета/ Геме, в одном издательстве, я имел счастлиную возможность открыть для себя современную русскую литературу. Там же

прихватил русское издание Библии, некоторые труды о.с. Булгакова и Л.Нестова. Сейчас читаю об истории православия. Временами чувствую, что этно-психологическую сторону православия я понимаю лучше, чем любую другую религию, - потому опосредствует и вся нынешняя осведомленность в русской истории.

В ИТИ у меня есть знакомый, некто Говард, ради интереса посещающий курс русской истории. Он отметил совершенно различное отношение к индивидууму, свойственное русскому и западному обществам. Семантически это отразилось в языке - в русском вообще некоторых слов и понятий нет, а если смотреть глубже, то находятся и структурные различия. Кажется, все это называется гипотезой Сепира-Торфа. Еще иногда думаю, что неплохо бы включиться в некую общественно-творческую деятельность или хотя пообщаться с известными людьми, но на это у меня не хватает энергии.

Размышляя иногда над общими свойствами эмиграции, замечаю, как безжалостно и точно поведение эмигрантов характеризует общество, из которого они вышли. Это как лавиусовая бумажка, и у меня есть с кем сравнивать: китайцы, итальянцы, греки и пр. Все живут в США общинами, возводя свое будущее близость к общине, воспитанием детей, заработной платой, может быть, еще чем-нибудь. Для русских - одна стихия: индивидуальный успех-заработок, и потому у них нет коллективного комплекса. Причину более глубокую, мне кажется, нужно искать в безусловном атеизме живя всех /почти/ русских. Атеизме в широком смысле, т.е. примитивизированном подходе к жизни, без всяких метатеорий, Бога и пр. Я знаю, у меня мало прав судить этих людей /"о комх не суку за тем, что к ним принадлежу"/ и уж совсем не могу критиковать их публично /только тебе/, но все это слишком контрастно с той первой эмиграцией, о которой я много читал. И православие, и весь специфически русский образ мысли /от языка счастья/- все создавало добровольную и духовно-продуктивную общину русских за рубежом. Взять, к примеру,

трех друзей о.П.Флоренского и их последователей в Париже.

А сейчас вся эмиграция — не более как множество изобретенных жизненных траекторий, устройств, ошибок, разочарований и т.д.

Такой мир, в котором придется жить. Выказанные тут мысли и в голову не приходит никому из тех, с кем я до сих пор общался, в чем я усматриваю еще одно их подтверждение. Однако же, за последние полгода я организовался так, что все эти дефекты не становятся существенными для меня и лишь лучше видны, быть может. А возможно, это интересное течение XX века идет своего рода или, по крайней мере, биографа?

Письмо № 7

Бостон, как ты понял уже, не очаровывает духом, легендами, сознанием значительного прошлого, как это было и в Ленинграде, и в Вене, и в Риме, и во Флоренции и особенно — в Риме. Нью-Йорк — город типа Москвы — суэта. Бостон много спокойнее, строже. Чикаго — тоже провинция. Лос-Анджелес — огромная деревня /это буквально так, одноэтажные дома с лужайками и автострадами/. Одна надежда на Сан-Франциско — говорят, это "единственный европейский город" в Штатах. Но в этих американских городах жить хреново, а поспостреть интересно все.

Американцы — хорошие люди, но зануды от рождения. Их общественная система, думая, самая лучшая, и все равно — хожная. Однако разница между человеком заблудившимся и человеком связанным все же существует, потому я полон к ним снисхождения и благодарности. В Америке все работает, везде имеют избыток товаров, превосходный сервис, стандартный отдых /будто продавший в супермаркете/. Я знаю, ты слишком много плохого слышал и читал об американском образе жизни, но это все не так страшно. Хуже, что здесь люди ничем не связаны, мало думают о важном. В этом мне явно видится регресс человечества. Да, никакого прогресса, лучшего будущего нет. Кто, как знать,

что лучше — несколько развалин в Риме или целый город в Америке, населенный автомобилями. И жизнь тут, по мере развития технологии, как бы "упрощается" — исчезают проблемы, абсолютное здоровье несет организму смерть. Кажется, давно уже тут не было предательства, доносов, угнетения, угрызений совести и прочих явлений, сопутствующих ему /м.б. я утрирую/. Религия тоже здесь не живет. По воскресеньям по ТВ передает проповеди, м.б. кто-то и слушает от скуки, кто-то от нечего делать в церковь ходит /а кто-то в яхт-клуб/.

Раньше, живя на грани добра и зла, люди видели смысл и цель существования в движении к добру — этот процесс и придавал жизни смысл. А тут /схематично/ — зло искоренили, с ним умерло и добро, люди забыли, зачем живут, забыли даже, что об этом можно спрашивать. И знаю, мне можно возразить, но я просто грубо описываю явление.

Здесь как на другой планете, и если бы все говорили по-русски, мы бы удивлялись отсутствию многих слов /нет сленга, нет ругательства, нет анекдотов/. Улыбки вместо смеха, телевизор вместо коллективных сборищ, трафик вместо толпы на улице. А с виду люди те же а все похуже.

В целом, американская жизнь суть цикл, влияющее в который теряешь способность к выбору, к импровизации, к мудрому молчанию. При моем внешнем устройстве этот факт действует, и бы сказал, угнетающе. Однако, огромное большинство людей вокруг называет это свободой, благоденствием и процветанием. У эмигрантов эта жизнь способствует появлению одних и тех же симптомов — общее ступенище, переходящее в клинический идиотизм (что не исключает, впрочем, высокого профессионализма). Просто-му русскому глазу (которого я, м.б., отчасти лишился) кажется, что люди в Бтатах за два-три года делаютя идиотами.

И пишу так уверенно, ибо период первой адаптации

и незнакомства прошек- можно просуммировать и усреднить кое-что. Нельзя, наверное, быть апологетом угнетения, страха и бесправия в сочетании с материальной бедностью, но все же в неограниченной свободе прогресса нет. Поэтому при построении моделей общества необходимо решить вопрос о Высшей Цели, которая должна быть недостижима за конечное время. И религия не должна, по-моему, сводиться к кодексу поведения, к безгрешной жизни, к свободе совести- это все достижимо. /Этот вопрос был затронут и в сочинении Валентина Турчина/.

Вместе с тем, кажется, были в истории человечества периоды, ретроспективно довольно привлекательные, когда цели и идеалы еще не были достигнуты, но в процессе движения к ним общество значительно продвинулось.

Деликатный и кратковременный баланс между добром и злом- такая ситуация видится мне в России начала этого века и конца прошлого. Несколько я хорошо подкован в последующей истории, то могу и сравнить. Сюда же примыкает и вопрос о неравенстве эмиграций.

Кстати, ты спрашиваешь о речи Солженицына в Гарварде. Да, я так был и это очень интересно. Но на дурака, что это кто-нибудь всерьез понял или захотел понять /это является из тех свойств американского общества, которые я описал выше/. Так вот, это, в общем, о том же - о структуре идеального общества и о России как модели /XIX век/.

Но только не надо учить американцев, как жить, ибо они отнюдь не чувствуют себя несчастными в своем растительном материализме и критику не понимают. Другое дело- Россия с историей, полной случайностей и множества грехов! Есть также некий внеисторический элемент русского духа, единственным образом определяющий структуру "оптимальной" общественной системы. Вот где поле синтеза многих ментальных категорий и доктрин /лучшего выражения мне не придумать/.

Привыкаться, а себя носителем никакой культуры или "духа" не считаю, скорее она меня несет, а я выглядываю из потока, сравниваю и удивляюсь. В этом смысле эмиграция есть уникальный опыт сопоставления /это не туристская поездка/ и взгляда со стороны. И даже историю начинаешь видеть по-другому.

Добавлю еще, что перечеитывая труд Турчина, опять подумал о так называемой "интеграции" людей — под этим понимаю любые формы взаимодействия. Интеграция считается очевидным добром, явлением, лежащим в русле эволюции и пр. Я тоже раньше полагал, что всеми силами надо раствориться, влезть под этот интеграл, ну хотя бы найти свой круг. Но вот в последнее время все яснее становится влияние другого начала, крепнущего в глубинах моего подсознания. Это — стремление к одиночеству, и чтобы никаких людей вокруг. Нет, не совсем буквально, но чтобы не было "интеграции". Живя в большом городе, трудно уйти от людей и от дурацких мелких проблем вокруг. Вся жизнь можно забить карьерой, машиной, квартирой, семьей и пр. Вокруг этой все вертится жизнь всех без исключения русских и американцев, которых я знаю. Нужна ли нам такая интеграция, хочется спросить? Размышляя в этом направлении, я заключаю, что люди интересны только тогда, когда они еще не проинтегрированы по всему безумному /так или иначе/ обществу. Таких людей я пока в своей жизни не встречал и не надеюсь встретить в тех, кто сюда придет.

Вот так. Человек, оказывается, хрупкое создание. Мы думали, что просто живем, а оказалось, что мы живем в весьма специфическом мире, и что с этим миром было больше гармонии, чем конфликта, а мы этого не замечали. Вот так и не поймешь Россию целиком, пока не окажешься снаружи, так не поймешь и самого себя, пока не выйдешь незаметно раньше свойства личности в конфликте с необычной средой.

Письмо № 8

С месяц назад отправил письмо Валентину Турчину и скоро получил ответ- дружеский и с приглашением. Я воспользовался этим и с неделю назад был у него- очень интересно. Разговор у нас произошел о религии. Он, с 10 лет /по его словам/ думал о том, зачем живет, теперь созрел для ответа: "Нужно создавать сильную церковь". Современную, не массовую, обоснованную, не прикитивную. Так вот, спор у нас был о стремлении к бессмертию, принимаемому в его учении как самоочевидный факт. Я говорил, что ничего такого в себе не нахожу: "Хоть сейчас к Господу на ответ." А он: "Не верю, не может быть.". Турчин обожествляет науку и знание /хотя определение дать затруднился/, а все, что научно, то и современно /это ответ на вопрос, что значит "обоснованная" и "современная" церковь/.

Но сам он говорит, что наука лишь способ организации ощущений- значит, наше видение мира не более научно, чем, скажем, шумерское. Выходит, что современно просто то, что современно нам, т.е. написано в наши дни, и все.

Это, конечно, интеллигентская болтовня. Не буду излагать весь разговор, но по-моему я выкал из него главное. Для дальнейшего близкого контакта нужно либо становиться его учеником- последователем, либо жить с ним в одном городе и быть другом дома- а дружить мне скорее пристало с его детьми.

Сегодня получил первый номер нового журнала "ГНО-ЗИС" - русско-английский религиозно-богословский и философский. Среди авторов- есть и здешние, но большинство живет в России: Д.А.Андреев, Д.В.Зильберман, Г.С. Померанц, В.Мамлеев, И.Новов, В.Андреева, Л.Аронзон и др. Чувствуется, что редакторы- очень назрели в смысле издательского дела, хотя начинание очень хорошее. В общем, свеча, думаю, не погаснет.

Преследилась судьба Д.В.Зильбермана. Он погиб /сбит машиной/ в июле 1977 г., возвращаясь с лекции на

велосипеда в 11 часов вечера. Было это в Бостоне, в 10 ми. езды от моего дома. Он преподавал археологию в Нью-Йоркском университете, потом санскрит и индологию в Чикаго, потом в Бостоне — свою теорию о типах мышления /труднодоступную и травматичную даже теорию относительности/.

Вернусь еще раз к адаптации. Здесь совершенно нет нужды адаптироваться (в смысле отказа от русской культуры), нет нужды выбиваться из сил, изучая чужие языки, устраиваясь на работу. Вполне можно работать периодически, а остальное время развиваться духовно, свободным волевым актом выбирая направление следующего этапа. До известной степени, это — жизнь среди искушений. Но без заклинаний и обещаний могу сказать, что постараюсь бороться с ними — в ближайшие годы, но крайней мере. Такой образ жизни — суть периодическое погружение в кризисные ситуации, как бы с целью приобретения энергии /пусть энергии отрицания/ для следующего движения. Это не похоже на маориалистическую стагнацию Америки, на конвульсии отдельных "недовольных" молодых людей. /Вчера только говорили с такой бабой — троцкистка, смертный грех/.

Хочу сделать не вполне обоснованное, скороспелое замечание: из тех людей, кого я встречал в своей жизни /говоря вообще о группах людей/, никто так близко не был к ВСТУПЕНИЮ, как редкие люди из наших знакомых в России. Именно там встречаются люди, видящие мир, так сказать, в "цвете". /Не знаю почему, может быть я сам смотрю изнутри./ Их мысли /переходя на американский язык/ провиденциальны.

Американцы же, по-прежнему, симпатичны, добры и пр., но мне кажется, что они на пути деградации. Пожив в этой Америке, я проникся такой ненавистью к современной технологии и прогрессу /как его обычно понимают/, что иногда не удерживался и веду проповеднические беседы перед молодежью, желавшей меня слушать. Теория моя довольно плохо оформлена, но исходит она из модели чело-

века как двойного духовно-тварного существа. Поэтому и динамическая теория личности будет "двухслойной". Но развитие земной жизни идет в едином времени — в этом я усматриваю источник Мирного Зла. Далее я описываю такие понятия, как Цель жизни, Свобода как нравственный выбор, Грех технологического развития / тебе в России этого не понять /, и конечный вопрос — как жить?

Лично мне еще интересно рассмотреть вопрос о культурном старении, т.е. о том метаисторическом процессе, который породил огромные различия между культурами разных народов, различия не столько этнографические, т.е. поведенческие, сколько мировоззренческие / разные народы видят мир по-разному /. Хотелось бы в этом деле пойти дальше и уяснить, как формируется и усложняется "духовное видение" в различных культурах, ориентируясь на близкие нам семантические категории: знак, протяженность, длительность, тождественность, структура и пр. Еще интереснее попытаться построить модель-образ их миропонимания и вложить ее в иерархию мировой культуры.

Процессами общественной жизни вокруг я интересуюсь по привычке и по необходимости, но в этом Стати совершенно себя исчерпала.
